

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И МГНОВЕНИЕ В ИСТОРИИ (О НЕПРЕРЫВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ РОССИИ)

Р.Л. Лившиц

Доктор философских наук, профессор

Независимый исследователь

rudliv@yandex.ru

После бурных девяностых, с их (контр)революционным брожением и безоглядной ломкой устоявшихся форм и норм жизнеустройства, постепенно наступил период отказа от радикализма и возврата к некоторым принципам и установлениям, вполне доказавшим свою эффективность в прошлом. Роман с неолиберализмом, длившийся фактически со времени перестройки, завершается, и начинается новая полоса исторической эволюции России, для которой характерен поворот к консерватизму. Однако этот поворот, будучи в общем и целом благотворным для общества, способен в перспективе воскресить «прошедшего житъя подлѣйши черты» (А.С. Грибоедов), иначе говоря, заключает в себе риск скатиться к реакции. Крайность такого рода ничуть не лучше той, в которую российское общество впало, взяв курс на «возвращение в лоно мировой цивилизации». Некоторые тенденции, достаточно отчетливо проявившиеся в последние годы, дают основания полагать, что подобные опасения отнюдь не беспочвенны.

Проводится мысль о том, что к истории нельзя относиться выборочно, а следует брать ее во всей полноте, с учетом реалий времени. Каждое данное мгновение истории есть результат всего предшествующего развития и исходная база для будущего. Чтобы суд потомков над ныне живущими поколениями был справедлив, необходимо и о действиях предшественников судить непредвзято.

Ключевые слова: традиционные ценности, консерватизм, реакция, непрерывность исторического процесса.

Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отчество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

А.С. Пушкин [1, с. 219].

Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам...

(Мк., 4:24)

Куда ж нам плыть?

24 февраля 2022 года – рубежная дата российской истории, разделяющая два периода постсоветской эпохи. Генеральный курс, проводимый правящей элитой до этой даты, состоял в возвращении нашей страны в «лоне мировой цивилизации». После начала СВО продолжать этот курс стало невозможно. «Мировая цивилизация» (на языке мир-системного анализа страны капиталистического ядра) вовсе не желала видеть Россию в своем составе, нашей стране была уготована роль поставщика сырьевых ресурсов на мировой рынок. Но Россия как единая страна могла бы просуществовать в таком качестве лишь недолго. В перспективе, причем вовсе не отдаленной, ее ждал развал и исчезновение с исторической сцены. Россия приняла брошенный ей вызов, вступив в вооруженный конфликт с мировым гегемоном. Неолиберализм, который исповедовали сначала «перестройщики», а потом «реформаторы», потерпел очевидное фиаско. Перед правящей элитой закономерно встал вопрос: а что вместо него? Какие новые ценности поднимать на щит? В каком направлении двигаться?

Казалось бы, ответ вполне очевиден: при выборе курса следует опираться на практики, доказавшие свою эффективность в прошлом, позволившие сохранить страну в годину тяжких испытаний, обеспечить ее самодостаточность и, тем самым, гарантировать историческую субъектность. И определенные шаги в таком направлении сделаны, этого нельзя отрицать. Но весь ли позитивный потенциал прежних практик использован? (Речь, подчеркнем, идет не о точном воспроизведении этих практик, а об опоре на них перед лицом современных вызовов.) Некоторое мнение на этот счет можно составить, наблюдая за символическими жестами власти.

Эти строки пишутся в феврале 2025 года, когда Россия готовится отметить 80-летие победы в Великой Отечественной войне. Очень хотелось бы ошибиться, но на Параде Победы, который по традиции пройдет на Красной площади, мы увидим, что здание Мавзолея Ленина вновь, как и в течение нескольких предшествующих лет, будет задрапировано. И это скрытие имени человека, создавшего советское государство, заложившего основы курса, который привел нашу страну к величайшему триумфу, –

ясное, недвусмысленное и красноречивое свидетельство того, что современная российская власть стремится дистанцироваться от советского прошлого, старается показать свою приобщенность к «цивилизованному миру», засвидетельствовать свою, так сказать, принадлежность к «приличному обществу». Вновь, как и в прежние годы, в торжественных официальных речах по случаю Победы мы не услышим имени того, кто руководил страной в военное лихолетье, кто возглавил всю гигантскую работу, которая привела народ к триумфу. И это – еще одно доказательство того, что властвующая элита России стремится вычеркнуть из истории страны советский период, изобразить его как досадный эпизод, как некое отклонение от «нормального» хода истории, а свою родословную вести либо от империи, либо, на худой конец, от Февраля. (При этом без стеснения используя материальный фундамент цивилизации, созданный в советские времена, и моральный капитал, приобретенный в тот же период.)

Конечно, в наши дни идеологический климат в России заметно отличается от того, что существовал три десятилетия тому назад. Истерический антикоммунизм и антисоветизм в духе коротичевского «Огонька» ныне не в моде, тип пламенных контрреволюционеров вроде Валерии Ильиничны Новодворской вышел из моды, кажется, полностью. Но это вовсе не значит, что произошла назревшая смена идеологических вех. Ушли в прошлое крайности антисоветизма, однако идеологический мейнстрим остался, в сущности, прежним. Концепт «проклятого советского прошлого» по-прежнему сохраняет доминирующие позиции в системе идеологем, задающих ракурс осмысления реалий современной России; большевики, как и во времена артналета горбачевско-яковлевской пропаганды на ничем не защищенное сознание советских людей, изображаются в негативном свете; не прекратились спекуляции на теме репрессий; не дезавуирован миф о тоталитарной природе советской власти, с Ленина не снято обвинение том, что он «заложил бомбу» под Советский Союз; предвзято и однобоко трактуется вопрос о характере и состоянии советской экономики... Над страной по-прежнему витает тень Чубайса с его пещерным антикоммунизмом и антисоветизмом, хотя сам он потерял всякое влияние, покинул пределы страны и сменил фамилию и имя.

Прогрессивность консерватизма

Произошедшие в последнее время изменения идеологического климата связаны как с причинами общего порядка, так и с факторами относительно ситуативными.

Исторически закономерно, что после коренной ломки сложившегося типа жизнеустройства (вроде той, что произошла в нашей стране в ходе попытки «возвратиться в лоно мировой цивилизации») наступает некоторое

затишье с элементами отката к прежнему состоянию. Развитие общества – процесс не линейный. Период «бури и натиска» не может продолжаться несколько десятилетий подряд. На смену ему неизбежно приходят более спокойные времена. Так что дрейф российского общества от безоглядного гайдаро-чубайсизма в направлении к консерватизму есть не что иное, как проявление общеисторической закономерности.

Но существуют и специфические причины, способствующие этому дрейфу в условиях постсоветской России. Так, советские люди формировались в убеждении, что они обладают равным достоинством со всеми остальными обитателями планеты Земля. Однако после распада СССР и исчезновения мировой системы социализма граждане России вдруг обнаружили, что это их хорошее мнение о себе не разделяет как раз та часть человечества, с которой, как их убедили «реформаторы», следует воссоединиться. Так называемый цивилизованный мир, признавая единство человечества на словах, на деле относится ко всем незападным народам с позиции превосходства, пусть и не всегда осознаваемой. И это высокомерие, естественно, не могло не вызвать ответной реакции.

С течением времени пыль схватки постепенно оседает – таков общий закон жизни. Массы получают возможность осмыслить баланс приобретений и потерь, подойти к оценке случившегося с учетом приобретенного опыта. В ходе такого осмысления даже для дилетанта становится очевидным, что многое из того, что в ниспровергательском воодушевлении отвергнуто и предано поруганию, вполне жизнеспособно и полезно. И что существовавшие в прошлом социальные порядки, нормы, установления, способы обеспечения жизнедеятельности общества, ценности и т. п. не столь уж отвратительны и непереносимы, как казалось в момент упоения их сокрушением.

Эту диалектику прогресса хорошо понимали наиболее проницательные мыслители, в том числе и те, которые заслуженно имеют репутацию непримиримых критиков отживших социальных порядков.

Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, отдавая должное капитализму как более прогрессивному в сравнении с феодализмом общественному строю, высказывали искреннее сожаление по поводу нравственных и культурных потерь, которые понесло европейское общество, вступившее на путь капиталистического прогресса.

Самое знаменитое произведение классиков марксизма, оказавшее громадное влияние на историю человечества, – «Манифест Коммунистической партии». В нем мы читаем: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его "естественным повелителям", и не оставила между

людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного "честогана". В ледяной воде эгоистического расчета буржуазия потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [2, с. 426]. И далее: «Буржуазия лишила ореола все занятия, которые до сих пор почитала и на которые взирала с благоговейным трепетом. Она превратила врача, юриста, священника, поэта, ученого в своих наемных рабочих» [2, с. 427].

Эти высказывания заслуживают того, чтобы на них остановить свое внимание. И К. Маркс, и Ф. Энгельс, как хорошо известно, были убежденными атеистами. Но их критическое отношение к религии не означало, что они не ценили и не уважали «священный трепет религиозного экстаза». Способность к искреннему и глубокому чувству – свойство человека, имеющего прочный нравственный стержень. И не так уж существенно, каково содержание этого чувства, важно, что испытывать его способен лишь человек идейный. Пусть его убеждения не совпадают с моими или даже им противоположны, но в трудной ситуации на него можно положиться. Такой человек живет в модусе духовности, а это значит, что другой человек, живущий в таком же модусе, может найти с ним общий язык, общую почву для сотрудничества. В системе ценностей, свойственной марксизму, идейность, верность принципам, нравственная цельность личности занимают исключительно высокое место.

Относительно «феодальных, патриархальных, идиллических отношений». Надо ли говорить, что авторы «Манифеста Коммунистической партии» не были апологетами феодализма? Но они, однако, вовсе не радуются тому, что с гибелю феодальных общественных порядков эти отношения были безжалостно «утоплены в ледяной воде эгоистического расчета». Человек всегда выполняет в обществе определенную социальную функцию, но его жизнь не может (и не должна) быть сведена к этой функции. Человек – это, в первую очередь, личность, духовный микрокосм. Человек лишь тогда ощущает полноту бытия, когда его окружают другие люди, которым он интересен сам по себе, во всей полноте и уникальности его бытия, независимо от размеров его кошелька и социального статуса. Фраза из классического советского фильма «Доживем до понедельника» «Счастье – это когда тебя понимают» как нельзя лучше передает эту фундаментальную потребность духовно развитой личности.

Насчет «рыцарского энтузиазма». Энтузиаст – это человек, которому совершенно чуждо торгашеское, деляческое отношение к другим людям, к обществу. Вопрос «Что я за это буду иметь?» его не волнует. Он не продает свое вдохновение, не ищет для себя выгоды, посвятив все свои помыслы реализации высшей цели. Энтузиаст не стремится обрести знаки внешнего признания, ибо видит смысл жизни не в них, а во внутреннем удовлетворении, которое дает до конца выполненный долг или хорошо сделанная работа.

Что касается «мещанской сентиментальности», то в наши дни она выглядит старомодно и нелепо и является предметом насмешек. Быть сентиментальным – это так глупо! Но как сохранить трезво-отстраненный взгляд на вещи, как оставаться невозмутимым, когда смотришь на Аллею ангелов в Донецке? Так называемая мещанская сентиментальность – способность к непосредственному движению души, к сочувствию и состраданию, способность пролить слезу при виде чужого несчастья, готовность помочь другому человеку без расчета на вознаграждение. Утрату такой способности классики марксизма рассматривают как безусловную потерю.

О «благоговейном трепете» перед некоторыми профессиями. К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве таковых называют профессии врача, священника, поэта и ученого. Что общего между этими видами занятий? Поэзия доставляет нам эстетическое удовольствие, но приобщаемся мы к ней не ради него, а для того, чтобы воспарить над повседневностью, испытать радость сотворчества с поэтом, ощутить себя его собеседником. Поэзия возвышает нас – в этом ее основное предназначение и главная ценность.

Но не хочу, о други, умирать;
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслажденья
 Меж горестей, забот и треволненья:
 Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь
 И может быть – на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной [3, с. 181].

Врач помогает нам исцелиться от болезней и облегчить наши страдания. Здоровье – ценность не инструментальная, а абсолютная. И по отношению к человеку, который помогает нам избавиться от недомоганий и обеспечить хорошее самочувствие, мы испытываем искреннюю благодарность. Точно так же верующий благодарен чуткому священнику за врачевание душевных ран, за поддержку в психологически трудных ситуациях. Аналогичным образом мы искренне признательны толковому юристу, который оказывает помощь в тех случаях, когда необходимо профессиональное

знание законов. Ученый занимается вещами, как правило, очень далекими от понимания «простого» человека, т. е. того человека, который занят в иной сфере деятельности. Но всем без исключения понятно, что работа ученого неимоверно сложна и требует высочайшей квалификации, что для овладения профессией ученого необходимы неординарные интеллектуальные способности и многие годы упорного труда. И что благодаря деятельности ученых общество продвигается по лестнице, ведущей нас к новым вершинам технического и культурного прогресса. Само по себе знание о том, что в обществе имеются люди, целиком посвятившие себя такому важному делу, как поиск истины, приподнимает «простого человека» над наличной повседневностью, возвышает его в собственных глазах.

Итак, мы видим, что «благоговейный трепет» вызывают профессии, нацеленные не на извлечение непосредственной пользы, а на то, чтобы оказывать помощь людям и делать их жизнь лучше, интересней, духовно насыщенней.

Марксистская трактовка прогресса глубоко и обстоятельно исследована Л.Г. Фишманом [4]. «В основе марксистского подхода, — пишет этот автор, — лежит представление о наиболее человечном, то есть неотчужденном, бытии, возможном в конкретный исторический период. При такой перспективе более важно деление практик не на прогрессивные и реакционные, а на отчуждающие и способствующие преодолению отчуждения» [4, с. 15]. Вытесненные на обочину истории или вовсе утраченные в ходе развития практики Л.Г. Фишман называет ретропрактиками, подчеркивая при этом, что некоторые из них «обладают эмансипаторским и ослабляющим отчуждение потенциалом» [4, с. 6]. Свою концепцию Л.Г. Фишман обосновывает, опираясь на идеи, высказанные М.А. Лифшицем. В своем широко известном эссе «В чем сущность спора?» М.А. Лифшиц писал: «Буржуазная цивилизация прогрессивна по сравнению с предшествующими формами жизни, но этот прогресс не является абсолютным; столкновение буржуазной демократии с феодальной реакцией — не единственная форма, в которой осуществляется борьба за народные интересы и развитие передового мировоззрения» [5, с. 227].

Мы вполне солидарны и с Л.Г. Фишманом, и с М.А. Лифшицем. Нет ничего более далекого от действительности, чем утверждение, что пафос марксизма — разрушение старого мира, ниспровержение его основ. Да, марксизм, будучи продолжением традиции Просвещения, мыслит историю как прогресс. Но прогресс понимается в нем не как линейное восхождение от простых и неразвитых форм к сложным и совершенным. Прогресс — магистраль, продвижение по которой сопряжено не только с приобретениями, но и с потерями, с утратой или забвением форм, исторически себя не изживших и — более того — являющихся абсолютным завоеванием цивилизации.

Марксизму чужд наивный прогрессизм, для него неприемлемо восторженное отношение к новому только на том основании, что оно новое. Когда речь идет о сохранении достижений, отвергнутых в ходе развития, но способствующих умножению человеческого в человеке, марксизм – учение вполне консервативное.

Буржуазная демократия против советского жизнеустройства

Попытаемся применить марксистскую методологию анализа приобретений и потерь в ходе исторического развития к ситуации в современной России. Эта ситуация уникальна, поскольку никогда и нигде не было еще попытки возврата от социализма к капитализму. Мы живем в обществе, где осуществлено, как справедливо утверждает А.Н. Тарасов, *второе издание капитализма* [6]. А это означает, в частности, что у нас имеет место столкновение буржуазной демократии не с *феодальной реакцией*, а с *советским типом жизнеустройства*. Но ведь именно социалистический общественный строй был той формой жизни, которая позволила вытянуть груз проблем, оказавшийся не под силу России капиталистической. В 1861 году в России крестьяне были освобождены от пут феодальной зависимости, и страна двинулась по пути буржуазного прогресса. Однако темпы ее развития не соответствовали фактическим потребностям. Отмена крепостного права была произведена слишком поздно, и вся совокупность обстоятельств сложилась таким образом, что к рубежу ХХ века Российская империя пришла в состоянии, не оставлявшем ей ни малейших шансов выдержать схватку с другими империалистическими хищниками. Итогом Первой мировой войны стал распад страны, деградация всей ее социальной ткани, всего общественного организма. И лишь Октябрьская революция позволила России буквально восстать из пепла, мотивированным усилием вырваться из цепи империалистической зависимости и превратиться в мощную державу, стоящую с веком наравне, а во многих отношениях и опережающую свое время. Имеет смысл специально отметить, что этот успех не свыше был данован, а стал результатом упорного труда нескольких поколений советских людей, руководимых коммунистической партией.

Советский период истории нашей страны нельзя представлять благостной идиллией, это была реальная жизнь со всеми ее сложностями и противоречиями, а не опереточное действие с идеальными героями и картонными злодеями. И герои, и злодеи были настоящими, из плоти и крови, со всеми присущими живым людям достоинствами и пороками. Антисоветская риторика – вся без исключения – строится на выпячивании ошибок, актов несправедливости по отношению к тем или иным историческим деятелям или общественным группам, на выискивании прямых преступлений. При этом непримиримые критики советского жизнеустройства исходят из

какой-то идеальной, умозрительной картины исторического процесса, где каждый человек действует, сообразуясь с общей пользой, и не помышляет о благах для себя лично, где всякий руководствуется высшими мотивами, честен, умен, бескорыстен, трудолюбив – словом, лишен каких-либо недостатков. В этом идеальном обществе люди обладают чудесной способностью предвидеть не только ближайшие, но и отдаленные последствия своих действий, все планы их неукоснительно выполняются и результат всегда совпадает с намерениями. В таком обществе исчезают всякие проявления зла, а насилие вообще выходит из употребления. Справедливость торжествует в каждом конкретном случае и в каждый данный момент.

Не требуется больших умственных усилий, чтобы обнаружить, что эта картина не соответствует действительности: и храмы в Советской России взрывали, и поэтов иногда расстреливали, и честных сторонников советской власти, случалось, репрессировали, и «цвет русской интеллигенции» однажды был за пределы страны выслан, и крестьянские (кулацкие) восстания порой вспыхивали. Подобного компромата можно найти много, было бы желание. А оно есть, поскольку существует социальный заказ. Однако истинный ученый-обществовед – не тот, кто отрабатывает гранты на заранее заданную тему (и с вполне предсказуемым результатом), а тот, кто стремится постичь истину во всей ее сложности и многомерности, понять связь причин и следствий, увидеть картину развития общества в целом.

Если поставить вопрос таким образом, то станет совершенно ясно, что советский проект был для России спасительным. Императорская Россия хоть и добилась немалых успехов, оказалась не в состоянии решить главную проблему: преодолеть цивилизационную отсталость страны от Запада. Россия в облике Советского Союза с этой задачей справилась. И победа в Великой Отечественной войне – наиболее убедительное тому доказательство.

В рамках данной статьи нет возможности обсуждать причины, которые привели к отказу от советского проекта. Стоит, однако, еще раз напомнить, что провозглашенный «реформаторами» курс на «возвращение России в лоно мировой цивилизации» потерпел провал. В этом «лоне» нашу страну никто не ждал, ибо страны капиталистического ядра всегда смотрели (и продолжают смотреть) на периферийные и полупериферийные страны свысока, как на объект эксплуатации, а не как на равноправных партнеров. Все эти десятилетия (за исключением краткого периода эйфории от «падения железного занавеса») Россия изображалась в западной пропаганде в виде тоталитарного монстра, подавляющего права человека и по-пирающего все нормы демократии. Постсоветская Россия едва не была отброшена на те же позиции в мировой капиталистической системе, которые Россия императорская занимала на рубеже XIX-XX веков. Нашей стране была уготована участь полуколонии, сырьевого придатка «цивилизованных

стран». Непреложный исторический факт состоит в том, что первое издание капитализма оказалось для России губительным. Но сможет ли Российской Федерации справиться с вызовами истории в условиях второго издания?

На оптимистический лад настраивает то обстоятельство, что в развязанной против России войне Ника явно благоволит нашей стране. Это благоволение можно расценить как прямое свидетельство жизнеспособности капиталистического общественного строя, как доказательство его соответствия коренным интересам страны. Но гораздо более естественным выглядит альтернативное объяснение: дело в том, что в угаре приватизации не все советское наследие было пущено на поток и разграбление, не все достояние советской цивилизации оказалось промотанным. И дело не только в материальном фундаменте общества, не только в принципах организации военного дела, но и в вещах гораздо более тонких, имеющих, на первый взгляд, лишь косвенное отношение к ходу СВО.

Возьмем, например, представления о мужественности и женственности. В советском обществе не существовало «гендерного равенства» в том смысле, как его понимают на Западе. «Гендерного равенства» не было и прежде, но в советское время сложился культ благоговения перед женщиной, ярче всего проявляющийся в праздновании Дня 8 Марта. Это чисто советский праздник, смысл которого непонятен жителю Запада. День 8 Марта отмечался официально, однако никто не воспринимал его как навязанный сверху, как некую принудиловку. Нет, советские люди вполне искренне, с непритворным энтузиазмом славили в этот день женщину-мать, женщину-труженицу, женщину-спутницу жизни, женщину – источник счастья и радости. Вполне понятно, что в таких условиях возник и утвердился в качестве всеобщей нормы идеал рыцарственной мужественности. Советские люди с молоком матери впитывали представление, что настоящий мужчина – защитник слабых, несгибаемый борец, готовый и способный сражаться за правое дело, за высшие идеалы.

Когда дверь на благословенный Запад широко распахнулась, советский народ с недоумением обнаружил, что там все не так. Мужчина, получивший советское воспитание, автоматически, не задумываясь, предложит помочь женщине, несущей тяжелую сумку или чемодан. И такое поведение будет воспринято и самой женщиной, и окружающими как правильное, нормальное, соответствующее общепринятым представлениям о должном. Никто не заподозрит этого мужчину в попытке приставания, в неблаговидных намерениях. Но национализированном Западе подобное поведение будет истолковано либо как бесцеремонное вмешательство в сферу приватности, либо как оскорблечение человеческого достоинства женщины, покушение на ее статус равноправной персоны, либо как свидетельство намерения завести легкое знакомство с предосудительными целями. На современном

Западе рыцарственный идеал мужественности давно уже не в чести, «цивилизованные мужчины» вырастают в убеждении, что смысл жизни – в деловом успехе, в потреблении, в удовольствии. Западная зацикленность на равенстве полов привела к тому, что слабоволие, капризность, изнеженность, неврастеничность не воспринимаются более как качества, недостойные мужчины. Да и само представление о том, что люди делятся на мужчин и женщин, там уходит в прошлое и воспринимается значительной частью населения как пережиток, как глубокая архаика. Общество охвачено эпидемией экспериментов с полом, количество полов в результате разнообразных манипуляций непрерывно увеличивается, достигнув в самых продвинутых странах нескольких десятков. Само слово «пол» изгоняется из лексикона, оно заменено словом «гендер». И как от мужчин, воспитанных в столь диковинных условиях, ждать способности вести боевые действия в условия реальной войны? А какие воины могут получиться из бесчисленных иных «гендеров»?

Россия втянута в вооруженное противостояние отнюдь не с отсталыми странами, наоборот, против нее воюет как раз тот самый «цивилизованный мир», в который ее с жестоковым энтузиазмом три десятилетия подряд волокли «реформаторы». И если бы не российская непродвинутость и, так сказать, недоцивилизованность, то вряд ли бы наша страна смогла выдержать выпавшие на ее долю испытания. Русский воин оказался в состоянии противостоять военной мощи всего «цивилизованного мира» именно потому, что он остался верен идеалу мужественности, унаследованному от советских времен.

Другой важный фактор благорасположения богини Победы к России – сохранение (хоть и в урезанном виде) советских принципов организации производства в некоторых чувствительных отраслях промышленности. Последовательный неолиберализм требует полного перевода на рыночные рельсы всего народного хозяйства, в том числе и того его сектора, который связан с нуждами обороны. Но у правящей элиты хватило благородства не идти до конца по пути, предначертанному ультралибералами. В результате та часть промышленности, которая обеспечивает производство вооружений и всего, что необходимо для обеспечения безопасности, не была до конца уничтожена. Командно-административная система, этот жупел «реформаторов», коим народ пугали в перестройку и в первые послеперестроечные годы, пусть и изрядно потрепанном виде, выжила. Советские наработки в сфере обороны были отложены до лучших времен, но не уничтожены, как того требовали принципы «нового мышления». Таким образом, Россия сумела сохранить и даже нарастить свой оборонный потенциал не благодаря, а вопреки курсу на возвращение в «лоно мировой цивилизации». Да, строй у нас капиталистический, это неоспоримый факт. Но в то же время в его

облике отчетливо проступают родимые пятна «проклятого советского прошлого». Они-то и позволили России выстоять в схватке с современными империалистическими хищниками, не развалиться, не погрязнуть во внутренних конфликтах. Таким образом, не до конца изжитое советское наследие – вот что выручило нашу страну в очередной исторической передряге.

Если это так, то зачем от этого наследия избавляться? Зачем от него откращиваться? Не настала ли пора менее инфантильного отношения к советскому наследию, чем то, которое политическая элита демонстрирует в настоящее время? Может быть, не следует скрывать под драпировкой имя человека, основавшего советское государство? То самое государство, прямым наследником которого и фактически, и юридически является современная Россия.

Консерватизм и реакция

По мере обретения опыта жизни в условиях реального капитализма к людям приходит понимание того, как много они потеряли в результате неудавшегося возвращения в «лоно мировой цивилизации». Эйфория 90-х годов, когда у миллионов существовали реальные шансы пробиться в буржуи, давно прошла. Все хорошие места под экономическим солнцем заняты, социально-классовое расслоение завершилось, почти все социальные лифты отключены. Знаменитой уравниловки, благодаря которой советские люди ощущали себя одним народом, больше нет. Вместо нее – резкая социальная поляризация. Роскошные загородные особняки – для немногих счастливчиков; ну, а для большинства – крохотные квартирки в двадцати- и тридцатистенных «человейниках», приобретенные в ипотеку на 20 лет. В стране, где правящей партией является «Единая Россия», единой России по факту не существует. Трецины потенциальных этнических, региональных и социально-классовых разломов змеятся по материку современного российского социума, и эта ситуация не может не вызывать тревоги. Не может не беспокоить и чрезвычайная распространенность потребительско-гедонистического жизненного идеала. Миражами потребительского рая можно соблазнить многих, но не всех. Всегда найдутся люди, способные возвыситься над сиюминутной повседневностью и задаться вопросом о том, куда несет нас рок событий. При этом совершенно неизбежным становится обращение к опыту прошлого, к тем традициям, которые либо исчезли, либо находятся в процессе исчезновения. Таковы самые общие социальные истоки консервативной оценки современного состояния российского общества.

Консерватизм – закономерный ответ на социальные перемены, свойственный любым историческим эпохам, любым общественным системам. Консервативная критика капиталистического прогресса, как показано

выше, присутствует даже в основополагающем документе партии, которая ставит своей целью революционное преобразование общества.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что консервативные настроения приобрели в современном российском обществе значительное влияние. Известный исследователь российского консерватизма Л.Г. Бызов показал, что консервативный тренд характерен для многих социальных групп (и выражают их интересы политических партий) [7; 8; 9]. Консервативная идеология разрабатывается и активно пропагандируется большой группой отечественных публицистов [10]. В последнее время консервативный тренд отчетливо проявляется и в деятельности официальных лиц и учреждений. Он нашел свое выражение, в частности, в том, что на щит подняты так называемые традиционные ценности и даже составлен их официальный список. Этот последний утвержден Указом Президента от 9 ноября 2022 г. [11]. В указанном списке 17 позиций, не больше, не меньше.

Понятие «традиционные ценности» не относится к числу простых и является предметом теоретических дискуссий [12], но мы не имеем возможности в эту тему углубляться. Заметим только, что указ высшего должностного лица государства – не теоретический трактат, и было бы нереалистично требовать, чтобы документ такого типа отвечал критериям научности. Его цель сугубо практическая – задать государственному аппарату направление деятельности. И это направление вполне определенное – консервативное. Мы видимо в данном случае прямой и недвусмысленный отказ от прежних стратегических установок, полный разрыв с идеей приоритета «общечеловеческих ценностей», с проповедью «нового мышления для нас и для всего мира», с фетишизацией рынка и тому подобными либеральными благоглупостями. Левые силы не могут не приветствовать такой поворот, ибо он соответствует их мировоззрению.

Поскольку на западе левизна понимается не так, как в России, есть смысл специально подчеркнуть, что под левыми силами мы имеем в виду те социальные движения, группы, организации, партии, которые выражают интересы трудящихся (в определенном смысле к трудящимся относится и мелкий буржуа, ибо он занимается созидательным трудом.) Для носителя левых взглядов главный критерий оценки общественных явлений – соответствие интересам людей труда, их саморазвития, личностного роста. С этой точки зрения заслуживают сохранения только такие социальные порядки, институции и традиции, общественные формы и нормы, что способствуют умножению возможностей саморазвития человека, его духовного роста, что создают, иными словами, благоприятные условия для преодоления отчуждения. Прогресс прокладывает себе дорогу, принося в жертву не только то, что действительно нежизнеспособно и не заслуживает иной участи, но и то, что имеет полное право на жизнь. Здесь пролегает грань, отделяющая консерватизм созидательный от консерватизма реакционного.

Ее не всегда легко уловить, но если этого не сделать, можно очутиться в крайне неприятной ситуации. Так и случилось, например, с С.Г. Кара-Мурзой. В настоящее время пик его популярности остался позади, однако в течение примерно 15 лет (с середины 90-х до конца нулевых) труды этого плодовитого автора имели широкую известность в левых кругах и оказывали на них серьезное влияние. Как показали А. Мартов и В. Рощин, «под маской «советской цивилизации, певцом которой представлял себя С.Г. Кара-Мурза, этот публицист методично в течение ряда лет создавал прямо противоположную виртуальную интерпретацию данного исторического явления. Настолько противоположную, что его интерпретация истории СССР вполне подходит под понятие "антисоветская цивилизация". Ведь те черты советского общества, которые им выделялись в качестве якобы ключевых черт "советской цивилизации", на самом деле являются именно антисоветскими чертами» [13]. В качестве таких черт называются, частности, сословность и государственный патернализм. Что касается сословности, то это, так сказать вопрос дискуссионный. Да, тенденция к образованию сословий в советском обществе действительно существовала. Но в какой мере она себя проявила? До какой стадии дошла? Не станем вдаваться в эту неисследованную проблему, примем в качестве рабочего допущения, что советское общество действительно было сословным. Но стоит ли этому удивляться? Следует ли воспринимать сословность как нечто ценное и положительное, нечто такое, что способствует расширению пространства человеческой свободы и преодолению отчуждения? Ответ на этот вопрос очевиден: разумеется, нет. Сословность (или ее элементы, не станем спорить о частностях) закрепляет за индивидом социальный статус вне связи с его способностями и склонностями. Однако ни то, ни другое не прикреплено намертво к социальному происхождению. Задатки не наследуются, они равномерно распределены по всей человеческой популяции. В сословном обществе способные люди из низших слоев не имеют возможности реализовать себя, дорога к творческим достижениям для них закрыта. Может ли человек левых взглядов (а именно в качестве такового С.Г. Кара-Мурза себя всегда позиционировал) воспринимать подобный порядок вещей как отвечающий интересам трудящихся?

Теперь о патернализме. Советское государство по своей природе действительно являлось патернистским, ибо в тех исторических условиях, когда оно возникло, и с теми людьми, которые в то время жили, иного и не могло быть. Революция произошла в стране, где подавляющее большинство населения составляло крестьянство, которое и мыслило, и воспринимало мир сугубо патернистски. Крестьяне видели в государстве отца родного, обязанного обеспечить базовые условия жизни и по этой причине имеющего право проявлять строгость и даже суровость в тех случаях, когда

это необходимо для общего благополучия. Но патернализм, будучи исторически неизбежным в определенных условиях и выражая этим смысле логику прогресса, приводит к ряду негативных последствий. Наиболее очевидные из них – социальный инфантилизм и иждивенческая психология [14; 15]. И то, и другое невозможно совместить с идеалами гуманизма и по этой причине должно быть преодолено по мере изживания условий, которые их породили. Нравственно зрелая личность, в отличие от инфантильной, осознает ответственность за свои поступки и не надеется на помощь со стороны каких-то внешних инстанций. Духовно состоявшаяся личность способна к критическому мышлению и обладает достаточно развитым сознанием и силой воли, чтобы не перекладывать собственные проблемы на других. По-настоящему взрослый человек не ждет, когда кто-то преподнесет ему блага жизни на блюдечке с голубой каемочкой. Как совершенно справедливо замечает Л.И. Жижилева (со ссылкой на А.С. Балык и О.П. Цыбуленко), для психологически зрелой личности характерно «осознанное реалистичное восприятие мира, ответственность, потребность в творческой реализации, самоуважение, автономия, целостность, широта связей с миром, способность строить отношения» [16, с. 2]. И общество, которое соответствует принципам реального народовластия, обязано создать все условия для формирования именно такой личности. Любая другая позиция есть не что иное, как уступка реакции, если не прямая реакция.

По мере развития советское общество становилось все более образованным и все менее патриархальным. Род уровень благосостояния и вместе с ним свобода человека от материальной нужды. Постепенно в наиболее просвещенных и обеспеченных слоях общества назревало недовольство патернализмом, а тенденция к сословности, столь ценимая С.Г. Кара-Мурзой, воспринималась как отступление от принципов социализма, как несправедливость. Наиболее продвинутые в социальном и культурном отношении советские люди видели в сословности и патернализме «прошедшего житья подлейшие черты». Объявленная Горбачевым перестройка была с энтузиазмом встречена всем советским обществом, в первую очередь социально активными группами и слоями, именно потому, что она открывала перспективу освободиться от этих изживших себя явлений.

Вот еще один пример того, насколько тонкой может быть грань между консерватизмом и реакцией. В упоминавшемся выше официальном документе, утвердившем список ценностей, на которые должно ориентироваться современное российское общество, читаем: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей

принадлежит православию» [11]. В том, что различные религии оказали существенное влияние на общественное сознание в нашей стране, сомнений нет. И в том, что православие наложило сильный отпечаток на русскую культуру, тоже. Но надо ли усиливать последний тезис словами об «особой роли» православия? Ведь если у православия роль *особая*, то у других религий, получается, нет. (В частности, и у христианства тоже. Логическая неувязка, которую не заметили составители документа.) Мы не сомневаемся в том, что авторы текста руководствовались самыми благими намерениями. Но объективно они *противопоставили* православие другим религиям. Вряд ли это понравится людям, принадлежащим к иным конфессиям. Да и у атеиста такая постановка вопроса не может вызвать положительных эмоций. Общество, в котором одной религии отдается предпочтение перед другими, – это, в сущности, архаика. Принцип свободы совести – абсолютное завоевание цивилизации, и отказ от него, в какой бы форме он ни проходил – открытой декларации или нечаянной оговорки, – шаг назад, к преодоленной ступени развития.

Среди традиционных ценностей, названных в президентском указе, фигурирует и такая, как «крепкая семья». И этот факт, бесспорно, заслуживает положительной оценки. Тем самым официально, на самом высоком уровне, современное российское государство провозгласило курс на укрепление семейных уз. Но ведь прочность семейных уз может обуславливаться *разными* факторами. Одно дело – брак, основанный на глубоком взаимном чувстве, и совсем другое – на экономическом господстве мужа. Первая модель – гуманистическая, ибо семья выступает в ней как пространство личной свободы, как благоприятное поле самовыражения и самореализации человека. Вторая – патриархальная, антигуманская. Власть мужа и отца в *такой* семье является по самой своей сущности деспотической. Если подобная семья и обладает прочностью, то это прочность тюрьмы.

В императорской России безусловно преобладала патриархальная семья; иначе и быть не могло в стране, где крестьяне составляют подавляющее большинство населения. Именно такое наследство досталось советской власти. Благодаря цивилизационному рывку, совершенному в советский период, положение коренным образом изменилось. Повсеместной социальной и культурной нормой стала эгалитарная семья, и в условиях отсутствия частной собственности ее прочность зиждалась на факторах духовного порядка. Именно на такую модель ориентирует нас президентский указ? Общий контекст ситуации в современной России не позволяет ответить на этот вопрос утвердительно, поскольку антисоветизм был и остается в ней идеологическим мейнстримом. И потому вполне ожидаемо, что в публичном дискурсе появляются весьма странные идеи относительно института семьи. Вот что, например, заявляет А.Г. Дугин: «Новое время, капитализм

и урбанизация стали началом распада семьи. Современный либерализм и ортодоксальный коммунизм доводят отрицание семьи до логического предела. Для либерала семья – это контракт, для коммуниста – пережиток буржуазного строя» [17]. Приведенное суждение – хороший образец того, как позиция консервативная переходит в *реакционную*. Автор вроде бы настроен весьма благонамеренно, он – за семью и против всего того, что ее разрушает. Но идеал А.Г. Дугина там, в средневековом прошлом, и закат патриархальной семьи, явившийся закономерным следствием капитализма, он принимает за гибель семьи вообще. Автор не желает признавать за капитализмом (и его непременным спутником – урбанизацией) никакого прогрессивного содержания, никакого положительного воздействия на семейные отношения. А оно по факту очень велико: ведь капитализм подорвал экономическую основу патриархальной семьи, т. к. вовлек женщин в общественное производство и тем самым создал условия для их освобождения от семейного деспотизма. Отношения, построенные на контракте, бесспорно более гуманны, чем те, что основаны на экономическом господстве. Именно капитализму человечество обязано возникновением предпосылок для формирования эгалитарной семьи. Дальнейшая эманципация семейных отношений связана с их избавлением от давления внешних факторов, от экономического принуждения к совместной жизни. Именно такое избавление и является желанной целью коммунистов. Вот что на этот счет писал «ортодоксальный коммунист» Ф. Энгельс: «<...> Что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устраниено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка» [18, с. 85].

Общая реакционность идеиной позиции А.Г. Дугина находит свое выражение и в его представлениях о способах укрепления семейных уз. В частности, он предлагает «приступить к массовому расселению мегаполисов и государственной программе по организации жизни людей на селе, в пригородах и поселках» [17]. «Лозунгом, – пишет автор, – может быть – "К родной земле!". Если крестьянство – историческая матрица полноценной крепкой

(на селе трудно куда-то убежать) и многодетной семьи, то возродить одно без другого невозможно» [17]. Но чтобы осуществилась идея А.Г. Дугина и на селе появились миллионы новых рабочих мест, нужно резко снизить технологический уровень сельского хозяйства. То есть лозунг «К родной земле!» фактически означает призыв «Назад к сохе!». Только при возврате к дореволюционному технологическому уровню аграрного производства 80 процентов населения России снова станет крестьянским. Если это благоразумие и здоровый консерватизм, то что тогда фанатичное доктринерство и реакция?

Вечность и миг как категории бытия народа

Настоящее – мгновением между прошлым и будущим. Это относится не только к жизни индивида, но и к жизни того социального целого, в которое человек включен. Во всякий момент жизни каждому из нас и всем вместе необходимо принимать решения: что делать дальше? в каком направлении двигаться? какие задачи решать в первую очередь, а какие отложить на потом? Никто из нас не обладает всезнанием, и поэтому ошибки неизбежны. Но человеку дан разум, в частности, и для того, чтобы анализировать текущую ситуацию и вовремя исправлять допущенные ошибки. Тот, кто упорствует в своих заблуждениях, действует во вред себе.

Антисоветизм, исповедуемый правящей элитой, был закономерным способом ее самоутверждения. Протобуржуазия, сформировавшаяся в недрах советского общества, не имела иного способа стать господствующим классом и превратиться в буржуазию настоящую, кроме как противопоставить себя «совкам» и предать поруганию советский тип жизнеустройства. С тех пор, как в России свершилось второе издание капитализма, прошло более тридцати лет. Этого срока оказалось достаточно, чтобы убедиться, что изначально заявленная цель – радикальный слом советских общественных порядков – оказалась иллюзорной. Никакого «возвращения в лоно мировой цивилизации» не состоялось, более того, практически весь «цивилизованный мир» ведет против нашей страны и нашего народа войну на уничтожение. В тысячелетней истории России вновь наступил переломный момент. Либо она продолжит свое историческое бытие, либо, истощенная долгим противостоянием с многочисленными и не растратившими свои силы врагами, будет ввергнута в пучину очередной смуты. В такие исторические мгновения общество волей-неволей обращается к своей истории, стремясь найти в ней духовную опору для победы в развернувшейся битве. Но нельзя подходить к истории выборочно: это мы признаем и прославляем, а это либо замалчиваем, либо предаем поношению. Московское царство не могло бы состояться, если бы не существовало Древней Руси, где далеко не все было благостно. Российская империя возникла не столько как отрицание Московского царства,

сколько как его продолжение, как развитие тех тенденций, что в нем уже вполне проявились. Советский Союз – это, в сущности, другая историческая форма Российской империи. В советский период нашей истории удалось решить проблемы, оказавшиеся российскому капитализму не под силу. Советское общество несло на себе родимые пятна прошлого – как далекого, так и относительно недавнего. Это общество двигалось по непроторенному пути и с теми людьми, которые тогда жили. Иных в распоряжении новой власти не было. Да и сама новая власть не с другой планеты прилетела. Люди, взявшие на себя тяжелейший груз исторической ответственности за судьбу страны и народа, были просто людьми со всеми их достоинствами и недостатками. Подавляющее большинство из них «академиев не кончали» и благородным манерам обучены не были. Их надо воспринимать такими, какими их сформировала среда, в которой они росли и воспитывались. И потому крайне удивительно, что эти в основной своей массе не очень грамотные и не лишенные обыкновенных слабостей люди смогли дать достойный ответ на вызов, брошенный историей. Они сумели изобрести такие формы социальной организации, которые обеспечили прорыв в будущее. Восьмичасовой рабочий день, ежегодный оплачиваемый отпуск для всех работников, отпуск по беременности и родам, бесплатное здравоохранение и образование, рационально организованная инфраструктура жизнеобеспечения, эффективные методы освоения слабозаселенных территорий... Пусть тот, кто отворачивается от советского наследия, прямо заявит: все оно – сплошной хлам, годный лишь в качестве примера того, как не должно быть. И пусть этот мудрец в таком случае объяснит, как в стране, где более 60 процентов территории занято вечной мерзлотой, отказаться от централизованного отопления городов и поселков. Было бы также интересно ознакомиться с его идеями относительно того, как на деле (а не на бумаге) завершить освоение Дальнего Востока и Севера. Выработанные в советский период способы решения этой проблемы доказали свою высочайшую эффективность. Когда же над Россией воссияло солнце рыночно-демократической свободы, начался исход населения с восточных и северных территорий страны, и конца ему не видно.

Власть, которая дистанцируется от прошлого своей страны (взятого во всем его объеме, а не избирательно) ведет себя крайне недальновидно. Так покинувший родную деревню и «вышедший в люди» сын стесняется своего неотесанного отца, который не имел возможности ни образование получить, ни городскому обхождению научиться. Поступая таким образом, сын проявляет черную неблагодарность по отношению к взраставшей его семье. По недомыслию своему он не понимает, что именно в родительском доме он получил ту основу, которая и позволила ему чего-то в жизни добиться. Но ведь когда-то у повзрослевшего сына будут собственные дети, и

оны, следуя примеру своего отца, тоже станут его сторониться и притворяться, будто никакого отношения к нему не имеют. Или – того хуже – сделают его предметом едких насмешек.

Ничто не вечно под луной, закончится когда-то и историческая эпоха, в которую забросила судьба нас. Наша страна вступит в новый этап развития, о сущности которого мы можем только строить предположения. Произойдут серьезные изменения во всех сферах жизни общества, в том числе и в политической. Изменится, конечно, и государственное устройство. И что же? Новая власть будет с энтузиазмом предавать анафеме власть нынешнюю? Проклинать ее за грехи – действительные и приписанные? Или все-таки наши потомки окажутся умнее нас и сумеют возвыситься над мгновением, чтобы оставить достойный след в вечности?

Список литературы

1. *Пушкин А.С.* Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Правда, 1981. С. 218–219.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419–459.
3. *Пушкин А.С.* Элегия // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1981. С. 181.
4. *Фишман Л.Г.* Не пренебрегая «реакционным» / Л.Г. Фишман // Полития. 2024. № 1 (112). С. 6–28.
5. *Лифшиц М.А.* В чем сущность спора? // Лифшиц М.А. Соч. в 3-х т. М.: Изобразительное искусство, 1986. С. 226–232.
6. *Тарасов А.Н.* Второе издание капитализма в России / А.Н. Тарасов. [Электронный ресурс]. // URL: https://scepsis.net/library/id_2973.html (дата обращения 22.02.2025)
7. *Бызов Л.Г.* Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы / Л.Г. Бызов // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 26–40.
8. *Бызов Л.Г.* Динамика идеино-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания / Л.Г. Бызов // Россия XXI. 2019. № 1. С. 6–29.
9. *Бызов Л.Г.* Динамика идеино-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания (продолжение) / Л.Г. Бызов // Россия XXI. 2019. № 2. С. 6–21.
10. *Андроненко Н.П.* Публицистика младоконсерваторов в современном коммуникативном пространстве России / Н.П. Андресенко // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 1. С. 160–172.
11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m8psssg5m2389513592> (дата обращения 25.02.2025)
12. *Луковицкая Е.Г.* Представление о традиционных ценностях в современной россии: моральный консерватизм и его основные акторы / Е.Г. Луковицкая // Культурные индустрии в институтах общества потребления. Мат. Всероссийской научной конференции. 2020 г. Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. С.157–167.
13. *Мартов А., Роцин В.* Антисоветская цивилизация Сергея Кара-Мурзы / А. Мартов, В. Рощин. [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/rs/lib/antisov_sgkm/antisov_sgkm.htm (дата обращения 24.02.2025)

14. *Лившиц Р.Л.* Инфантильное сознание: причины и последствия / Р.Л. Лившиц // Новые идеи в философии. 2021 Вып. 9 (30) С. 25–35.
15. *Лившиц Р.Л.* Советский проект и проблема социального иждивенчества / Р.Л. Лившиц // Новые идеи в философии. 2019. Вып. 6 (27). С. 162–172.
16. *Жижилева Л.И.* Личностная зрелость и консерватизм в реалиях современного общества / Л.И. Жижилева // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). С. 1–5.
17. *Дугин А.Г.* Вперед – в новое средневековье / А.Г. Дугин. [Электронный ресурс] URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4394959> (Дата обращения 25.02.2025)
18. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23–178.

***CONNECTION OF TIMES AND A MOMENT IN HISTORY
(ON THE CONTINUITY OF RUSSIA'S HISTORICAL PATH)***

Rudolf L. Livshits,

Freelance Researcher

Gatchina, Leningradckaya oblast', 188000, Russia

In the aftermath of the roaring 90's, a period of (counter)revolutionary ferment and reckless destruction of established forms and norms of life ensued. Gradually thereafter, however, a period of rejection of radicalism emerged, concomitant with a return to principles and norms that had previously demonstrated their effectiveness. The relationship between neoliberalism and Russia, which had persisted since perestroika, is approaching its conclusion. A new phase in Russia's historical evolution is commencing, distinguished by a shift toward conservatism. However, this shift, while generally beneficial for society, carries the potential to resurrect "the most detrimental aspects of the past," (A.S. Griboedov) thereby risking a reversion to reactionary ideologies. The radical nature of this shift poses a significant threat, no better than the one into which Russian society fell after taking the course of "returning to the bosom of world civilization". This transformation, characterized by a "return to the bosom of world civilization," has been accompanied by a decline in the quality of life and a deterioration in social cohesion. Recent years have witnessed the emergence of ideological trends that have rendered the previously unfounded nature of certain fears quite evident.

The notion that history cannot be approached in a selective manner, but rather must be regarded in its totality, taking into account the temporal realities that have shaped it. Each moment in history is the product of preceding moments, thereby establishing the foundation for subsequent developments. In order to ensure that the judgment of descendants is equitable, it is necessary to judge the deeds of their ancestors without bias.

Keywords: traditional values, conservatism, reaction, continuity of historical process